
Алиса Афанасьева
повесть
Amore mia
или
Рождение новой амазонки
18+

Алиса Афанасьева

Amore mia, или Рождение новой амазонки

https://litres.ru/74813507
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта повесть о том, что Божья искорка может годами тлеть в угнетаемом человеке, а потом вдруг вспыхнуть в ровное и сильное пламя, переплавляющее раба в победителя.

Еще о том, что порой мы отчаянно жаждем любви, и не видим ее прямо у себя под носом. И о том, что именно тогда, когда туманная мечта обретает очертания, и из нее зарождается цель, а потом план жизнь дарит мечтателю второе (третье, четвертое и так далее) дыхание и приоткрывает тайны его собственной природы. И о женской судьбе.

Содержание

Повесть 4
Praefatio 5
Salvete! (или немного предыстории) 6
Text 16
Глава 1 16
Глава 2 19
Глава 3 23
Глава 4 27
Глава 5 33
Глава 6 38
Глава 7 43
Глава 8 45
Глава 9 48
Глава 10 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Алиса Афанасьева
Amore mia, или Рождение новой амазонки

Повесть

«Я считаю

счастливыми людей, которым боги дали или свершить подвиги, достойные записи,

или написать книги, достойные чтения; к самым же счастливым – тех, кому

даровано и то и другое»

PliniusMinor, Epistulae (Плиний Младший, Письма, книга, 16)

Почти все описанное в книге основано на реальных событиях. За исключением имени итальянского тенора, все имена героев вымышлены. Совпадения случайны. Повесть посвящается моему другу Д., настоящему другу.

Praefatio

Вы, наверное, знаете, что бывают такие люди, мимо которых нельзя пройти просто так, ничего не почувствовав, даже в толпе. Они наполнены, светлы и спокойны. И еще они теплые. Но есть и те, кто покидают этот бренный мир, так и не поняв, почему и зачем все мы, приходя из небытия, находим друг друга. И как так бывает, что Божья искорка может годами тлеть в угнетаемом и подавленном человеке, чтобы потом вдруг вспыхнуть в ровное и сильное пламя, переплавляющее раба в победителя.

Эта история о «хороших мальчиках и девочках», и о том, что их «хорошесть», вообще-то, редкостное зло. Еще она о том, что порой мы отчаянно жаждем любви, и не видим ее прямо у себя под носом. И еще о том, что когда розовая и туманная мечта обретает очертания, и из нее зарождается сначала цель, а потом план…именно тогда жизнь дарит мечтателю второе (третье, четвертое и так далее) дыхание и приоткрывает тайны его собственной природы.

Praefetio – Введение, вступление (лат)

Salvete! (или немного предыстории)

Василиса– неудачно выданная родителями замуж (не насильно, но по настоянию), жестоко страдала в браке с первого и до последнего его дня. Ее развод длился целых восемь лет, но в борьбе за возвращение свободы, она не только «чуяла ноздрями» ее пьянящий аромат, и рвала удила зубами, она узнавала и собирала этот мир заново, когда он рассыпался на предателей и друзей, на Свет и Мрак, и поворачивался к ней то «передом», то «задом». Пройдя этот отрезок пути, она сохранила привлекательность, шарм, неплохую фигуру, ум и критический взгляд абсолютно на все, однако, при этом утратила мягкость, открытость, доверие, безмятежность, веру в себя и внутреннее ощущение парения над этим миром. За годы без отдыха внутри Василисы накопилось столько усталости, а в теле столько болезней «от нервов», что ей, несмотря на медицинское образование, частенько представляется, что если бы ей выпала возможность высыпаться и не нервничать целую неделю (именно все семь дней подряд), то после такого «марафона» сна и спокойствия, непременно бы выяснилось, что на самом деле она совершенно здорова.

В юности ее звали «атомным реактором» за ураганные энергии, которые она пыталась направлять в то русло, которое ей было интересно, но близкие упорно сбивали ее в сторону «правильных и разумных» течений.

Васин развод в клочья порвал шаблон мышления ее родни, и явил ей, хоть и не сразу, одну простую истину – если видишь носителей коллективного разума, то лучше обойди их по дальней дуге, ибо им никогда не постичь логику того, кому дороги свобода и пьянящее чувство полета от сбывающейся мечты.

Василисе повезло, после развода за ней постепенно закрепилась слава «нелюдимой и упрямой воительницы». Поток назойливых советов от «знатоков», родных по крови, но чуждых по духу, постепенно оскудевал, разбиваясь о ее «дурной и крутой нрав», чему она была несказанно рада.

Тимав жизнь Василисы привел ее муж. Ей сразу показалось, что этого носатого парня она уже, кажется, видела! Но где именно? Его лицо, огромные глаза и немного лукавая улыбка - все это, совершенно точно, было ей знакомо. Особенно глаза, смотревшие собеседнику не то в душу, не то в самое сердце, словно сквозь плоть и «бытие» проникавшие цепким взглядом в прошлые и будущие жизни.

Тимофей сразу узнал в Василисе – «свою». Не свою женщину, а просто – свою. Ее сказочное имя казалось ему таинственным и самым красивым. Порывистость и дикая энергетика Васи, ее внимательные глаза, напряженные плечи и какая-то особенная, мягкая улыбка, которой она немного стеснялась – все это не давало ему покоя. Тим и сам не заметил, как неожиданно влюбился, что было довольно глупо. В семье новых друзей уже подрастали дети. В ту пору Тим был холост, но знаком с Наташей, которая склоняла его к свадьбе.

В остальном, Тимофей – это высокий и длинноногий мужчина, с большими серыми глазами и значительным носом, без высшего образования, но редкой души и уникального внутреннего мира человек. Добрый, надежный и адекватный.

Катя– старшая Васина дочь. Девочка решительная и взрывная, порой вздорная, но верная и справедливая, с малолетства готовая закрыть мать собой, если вдруг что. С тех пор, как Катя научилась ходить и говорить, все, кто хотел

что-то спросить у Васи на улице, неизменно натыкались на кудрявый «живой щит», громко заявлявший: «Это моя мама, а вы кто такие?» У Василисы еще есть дети, количество их в повести не уточняется.

Алессандро Сафина(*имя сохранено без изменений*) – великолепный тенор из Италии. Любимый голос Василисы и миллионов женщин во всем мире. Красавец, обладатель невероятного, чарующего тембра. Добрый и умный человек. Кроме того, веселый, улыбчивый и смешливый.

ДругВасилисы (послебрачного периода) – некто ***Александр***. Не то проповедник, не то сектант, насквозь фальшивый и лицемерный. Бесцеремонный, любопытный, изнеженный, ленивый мещанин, в самом плохом смысле этого слова. Очень полный, склонный к перееданию (или непрерывному питанию), и тайно страдающий алкоголизмом. Впрочем, поначалу он привнес в историю главной героини толику благодати и надежды, однако со временем полностью исчерпал все плюсы своего присутствия в ее судьбе. Тиран и паразит. При всем этом, Александр имеет большие способности к мимикрии, и может производить впечатление обаятельного и милого человека, правда …долго в этом образе не выдерживает. Наказывающий всех, в том числе Васю, лишением своего «бесценного» общения, в конце концов, он именно этим провоцирует череду событий, с которых начинается новый виток Васиной судьбы.

Васин муж, потом уже бывший муж, потом покойный.

Виноват ли он был в том, что стал монстром или нет… это уже не имеет значения! Чаша Васиного терпения наполнялась долго, и когда этот сосуд переполнился, то она остро нуждалась уже не только в разводе, но и в реабилитации.

Когда ей пеняли, что следует быть благодарной ему за детей, она задумчиво и тихо отвечала, что абсолютно уверена, что детей ей (именно ей) дал Господь, и вот его она готова благодарить за это каждую минуту, без малейшего преувеличения, и немного подумав, неизменно добавляла, что может это и средневековое мышление, но именно так, тем не менее, дело обстоит в ее реальности. Ее решимость и вера в такие моменты обезоруживали друзей, а у недругов отбивали охоту спорить, ибо было слишком очевидно, что своего мнения по этому вопросу Василиса не изменит никогда.

Муж был жесток и груб, мозги имел странные, болезненные и изворотливые, кроме того, был носителем редкого садического чувства юмора. В житейских ситуациях проявлял себя, как человек небольшого ума, но бескрайних амбиций. Искренне считал себя самым умным и самым «правым», во всем и всегда. Диалог с телевизором, о чем угодно, после нескольких лет семейной жизни, стал казаться Васе куда как более нормальным, перспективным и осмысленным занятием, чем диалог с мужем. Никаких шансов подстроиться, привыкнуть, о чем-либо договориться – в этом замужестве у Васи не было.

Ухаживал он красиво, правда, быстро стал срываться в ис-

терики и сцены ревности. Васе было с первого дня неудобно, плохо, грустно, пусто и как-то нелепо рядом с ним. Он был «не свой», абсолютно чужой, он был бесконечно далек от ее настроений, чувствований, желаний и манящих ее горизонтов. Однако ему помог натиск ее родных, зачем-то опасавшихся того, что она останется одна из-за своего независимого характера, да еще и призрак «венца безбрачия», бродивший в умах ее родителей, в связи с тем, что ее тетушка по отцовской линии так и не вышла замуж. Еще и порядок появления детей в семьях деда и отца (сначала девочка, потом мальчик) был негласно признан мистическим совпадением и довольно долго довлел над разумом васиной родни. И никому (почему-то!) не пришло в голову, что в послевоенное время причина «безбрачия» была куда как прозаичнее. В общем, безбрачия Васе с легкостью удалось избежать, а вот на послебрачной стезе, она словно перешла в амазонский статус, ибо ясно поняла, что в этой жизни всегда стоит рассчитывать только на себя, и это единственный способ предотвратить разочарования и драмы.

Муж сразу и всегда (именно так!) пытался встраивать Васю в свое (довольно извращенное) представление о «жене», словно она была деталью из конструктора Лего из серии «собери домик с унитазом». Причем для Василисы со всеми ее энергиями, разумеется, он отводил роль именно унитаза. Симпатичного, молодого и удобного.

Может у мужа и были какие-то достоинства, но назвать их

Вася затруднялась, тоже почти «сразу и всегда». Слишком хорошо врезались в ее душу страх и боль, назойливо и мерзко сверлившие за грудиной, когда он смотрел на нее ледяным уничтожающим взглядом, и она точно знала, что за этим последует, в лучшем случае, поток оскорблений, а в худшем, вообще все что угодно. Еще были беспросветная грубость, неадекватность, пьянство, измены, развращенность и пресыщенность. Он довольно топорно чередовал все это с «приступами услужливости». Вася стала ненавидеть слово «ласка», почти до рвоты. Она была раздавлена и долгое время покорно принимала его отвратительную «нежность», когда он опускался на колени у ее ног и массировал каждый пальчик, потом целовал и без остановки бормотал, как в бреду, что она его «девочка», что он «никому ее не отдаст», и нес прочую «псевдолюбовно-быдляческую дичь». Так она это называла, когда рассказывала Тиму. Василиса ненавидела эту болезненную «нежность», едва ли не больше, чем неприкрытую агрессию. Чувствуя фальшь каждой клеточкой своего существа, она как обессилевшая жертва удава, не находила в себе сил сопротивляться. Перед гостями и друзьями он всегда устраивал сцены из показательной жизни и исполнял роль образцового супруга. Многие верили, и считали, что Вася сходит с ума, раз ей что-то не нравится. Те же, кто осознал масштаб показухи, в итоге, и помогли ей выбраться из этого мучительного и опасного плена.

Васе часто казалось, что сама нелегкая затянула ее в этот

дикий брак. Муж никогда ее не любил, даже не понимал, как это вообще бывает, когда мужчина любит женщину. Требовал, ломал, уничтожал, отрывал крылья с мясом и костями, но она все равно вырвалась и полетела, причем вместе со всеми детьми, которых полагала главной задачей своей жизни. Она его тоже не любила, а вот детей – любила очень. Чего стоил ей этот побег – знали только Бог и она сама.

Он умер глубоко несчастным. И одиноким. Но даже тогда, когда она узнала об этом, шальную минутную жалость из ее сердца мгновенно выгнали нахлынувшие страшные воспоминания.

Волобуев– очень и очень обаятельный артист. Он стал для Васи последней каплей, после которой ее постигло «окончательное» разочарование едва ли не во всей сильной половине человечества. Сам по себе Волобуев - человек довольно безобидный, и обиженный. Не сказать, что добрый, но и не злой. Очень ленивый, с оплывшей фигурой. Стареющий провокатор, «добродушно» выливающий все мыслимые и немыслимые сплетни в уши собеседника, совершенно не заботясь о том, чтобы того от подобного изобилия не стошнило. Волобуев завистлив и зануден, а еще раним, как побитая собака. Артист жестоко озабочен, вероятно от всяческого простоя, природный темперамент его побит молью, мысли замкнуты на сексе и утрате былой славы на сем поприще. При всей породистости, производит впечатление печальное, и даже жалкое, как вылинявший павлин.

Наташа– жена Тима. Довольно симпатичная, но скучная и пресная дама, впрочем, обаяния и темперамента вовсе не лишенная, особенно в молодые годы. Очень хозяйственная и столь же приземленная. Тонкие материи уважающая, но предпочитающая взаимодействие (в любой сфере, в том числе духовной) по принципу «нажми на кнопку – получишь результат». Немного склонная к полноте, невысокая. Грубоватая с Тимом. По-бабски расчетливая. Но по итогу, просчитавшаяся.

Salvete – Приветствую вас! (лат)

Text

Глава 1

10.2017

«А если он позвонит мне, когда я буду там» – подумала Василиса и вжала голову в плечи. «Аналитик» в ее усталом мозгу, задыхаясь, обрабатывал множество страшилок, рожденных другой его частью, настроенной куда как более фантазийно. «Позвонит прямо в середине концерта, или напишет, что ему плохо или про что-то срочное, а я не смогу ответить. Господи, вот что мне делать?? Я все знаю, про это вот все, что Великим Постом, ничего нельзя… но это же единственный концерт в Москве!»

Мысли носились в голове сумасшедшим хороводом, сердце то прыгало, то замирало. Противным и сырым октябрьским днем она изо всех сил тащила себя на собеседование, на какие-то отвратительные далекие кулички. Голова «вспомнила» о старых травмах, внезапно затошнило и асфальт «закачался» под ногами. «Вот …опа, теперь точно опоздаю, зря что ли перлась в эту заштатную контору», подумала она, лишь слегка сбавив темп. При мысли о том, что могут отказать – стало грустно, но, если представить, что сюда придется ездить постоянно, даже в графике «два через два» … нет

эта мысль была еще хуже. Как в другой город, какой уж тут театр по вечерам. До метро от дома минут двадцать, это ей еще повезло с автобусом, на метро полтора часа, с учетом двух переходов в час пик, и от метро на автобусе 30 минут, потом по клубному полю, то асфальтом, то грязью, она шла уже минут 10, а вожделенный конец дороги тонул вдалеке в дождливой дымке. Итого, почти три часа в один конец? Никуда тут не успеешь, вообще никак и никогда. Подходящая работа для любого поста. Не только Великого.

И вдруг ей показалось, что все вот это надето ей на голову, как уродливая шапка. Почему шапка? Да потому что все может быть в человеке чудесно, а рискни он нахлобучить на себя дурацкий головной убор, и никто и не заметит, где ты там такая вся красавица, не заподозрит, что умница, да и без шуток про день открытых дверей в дурдоме, дело точно не обойдется. И как себя будешь чувствовать в такой шапке? Да, как-то так, как она сейчас. Никогда дурой не была, но в дурах оказалась!

Устало и раздраженно она перешагивала лужи, игнорируя головную боль, мокрую погоду, унылое настроение и зарождающийся голод. «Что там главное, чтобы они поняли и заметили? Да, точно, я стабильна, как человек и работник». Вяло улыбнулась и воткнула в ухо наушник. Бархатный мужской голос запел про «amore mia». Волшебный тембр! На лужах заискрились солнечные зайчики, тучи стремительно убежали прямо по небосводу в разные стороны от этого гряз-

ного теннисного клуба. Прямо сейчас в ее голове «фантазер» победоносно задрал нос, в ответ на это «аналитик» в недоумении поднял брови и отрицательно замотал головой. Тучи тут же «вернулись». «Да буду, буду я тут работать, если этот голос будет петь вот так прямо мне в ухо, я смогу, конечно смогу». Она задумалась. «Вот ведь, какое черти-что! Не хочу, но буду! Даже подумать тошно, но я все смогу! Похоже на тупик, нет, он прав, конечно, я сама виновата, и ничего теперь не поделаешь…Debes, ergo potes[1]. Разумеется-разумеется»

Дорога уперлась в унылое красно-синее здание, типично офисное, бездарно спроектированное и запаненленное в дурацкие квадраты. «Главное, не показывать вида, что я…я… что я больная, не надо это показывать» Надоевшая мантра прозвучала так себе. «Больные работники никому не нужны, Александр, разумеется, прав, хотя совершенно неясно, как жить таким вот, как я, кому голову отбили, да еще и на самом взлете». С чувством глубокого отвращения к себе Вася перешагнула порог офиса неприветливой страховой компании.

[1] Должен, значит можешь (лат)

Глава 2

10.2017 через час

– Я бы рекомендовала вам выйти в графике 5/2. Корпоративный автобус у нас ходит утром от метро в 8.15 и назад в 18.30, или на рейсовом, но там народу больше. К началу рабочего дня вы должны быть уже на линии, это к 9.00. Заканчиваете в 18 ровно. Многие успевают добежать до автобуса на 18.30. Зимой темновато, но вы не одна пойдете (*а точнее побежите, мысленно закончила Василиса*). Обед в то время, на которое успели записаться, ровно час. И еще имеете право на два перерыва по 10 минут *(многие, вероятно, успевают добежать до туалета, снова додумала Вася*).

Телефоны несчастных сотрудников звонили без умолку. Будущее руководство выглядело, как усталая продавщица советского универмага, и общалось так же. Васькины слезы были готовы сорваться водопадом, прямо здесь, и выдав ее, и освободив. Следуя уже устоявшемуся алгоритму действий при угрозе истерики, она призвала в «текущие мантры» строчку Высоцкого – «мне надо уйти, улыбаясь». И все неплохо сработало. Василиса вежливо пообещала все обдумать и откланялась.

Два перерыва по 10 минут добили ее совершенно. Это настоящее рабство! 40 часов рабочего времени плюс 30 часов на дорогу – это в неделю. А сколько всего часов в рабочей

неделе, если считать и дни, и ночи? 120. Итого, на жизнь остается 50 часов в неделю, это включая сон. Человек должен спать по 8 часов…ладно, хотя бы по 6 часов в сутки. Итого, остается 20 часов на все про все. Собраться на работу, проверить уроки, на общение с детьми и их воспитание, на личную жизнь…

«И ведь он захочет, чтобы после такой недели я проводила выходные с ним?!», вдруг, как от ожога, вскинулась Василиса, шагая по мрачному клубному полю, и недоумевая, ну как это такую видную страховую компанию угораздило обосноваться в такой дыре. Никуда это все не годится! И что за напасть, почему косяки неудач с маниакальным упорством ищут с ней встречи, причем не первый год. «Думай давай, Премудрая, и решай уже что ли» – с вызовом сказала она самой себе, и где-то рядом громко завыла собака. Василиса вздрогнула. «Выходит вслух сказала, а и ладно…»

Глава 3

10.2017 еще через час

Вася сидела за столиком в «Му-му», заканчивала свою скромную трапезу и зачем-то внимательно смотрела на деревянный стол. Она вдыхала запах любимого американо, но сильнее него бодрили мысли про концерт и деньги, про концерт и Пост, про концерт и что скажет он, и… что она ему скажет. Конечно, врать нехорошо, никто и не спорит. Да и деньги с кредитной карты, взять и потратить на концерт? Нет, Вася отлично понимала в какое место следует засунуть свои желания, при таком как у нее финансовом швахе. Ее любимый бархатный тенор по имени Алессандро дает всего один концерт в Москве, так нескоро, через долгих семь месяцев, но билеты… их все меньше, а сомнений в голове все больше. Какая-то сила не давала Василисе отвлечься на что-то еще, упертый и настырный внутренний голос талдычил без умолку: «Покупай билеты, скорее покупай, что ты сидишь, Вася, покупай билеты». Но знаете, вожделенный концерт любимого тенора и невозможность найти работу? А еще насущный хлеб на всю семью? И необходимость скрыть поход на концерт от Александра, да еще и Великим постом. Решение Васе давалось с трудом, она вообще отвыкла принимать решения. От той способности, которая была дана ей

от рождения и заложена глубоко в ее генах, остались после брака одни ошметки. Еще и Александр со своим тотальным контролем. И тут позвонила Катя:

– Мамуся, если ты хочешь на концерт, давай пойдем, конечно. Ну и пост, но он же ничего плохого и не поет.

Дети – это лучшее, что есть на свете. Они всегда мудрее. Катя права. Он совершенно ничего плохого не поет!

Улыбка скользила по лицу Василисы, когда, волнуясь, что может передумать, она покупала билеты. Прямо в «Му-му». Прямо с кредитки, которая тряслась в руках, от волнения. Ну, разумеется, дрожали руки, но Васе казалось, что и кредитка ее торопит. Они успели – Васька, Катя и кредитка!

Василиса положила телефон на стол, в глазах заискрились те самые, почти совсем утраченные ею энергии, веселые и солнечные, на которые раньше все обращали внимание. Впрочем, раньше их было трудно не заметить. И даже ее плечи на миг покинула невидимая ноша.

Вообще, совершенно непонятно, ей самой до сих пор было непонятно, как так вышло, что милая и живая девочка, любимый ребенок отца (пусть и очень сложного), прекрасная ученица все 10 лет школы, не менее заметная студентка медицинского института, длинноногая, быстрая умом и словом, с таким изысканным хобби, как фанатичная любовь к искусству вообще, и к театру, в частности, увлеченно писавшая по ночам дневники, в которых была безжалостна к себе и милосердна ко всем остальным – вот как она вдруг (или не

вдруг) оказалась в унылых рядах кислых и пресных неудачниц. Как?!

И тут телефон зазвонил. Это был он. Он! Постылый друг! Александр! Искорки разлетелись, как от порыва ветра, взгляд мгновенно стал усталым и пустым. «Фантазер» и «аналитик» в ее голове нервно переглянулись и приготовились к обороне. Она не обратила никакого внимания на их маневры, и профессионально улыбаясь в трубку, ответила на звонок.

–Да, вышла. Совсем недавно. Как раз собиралась набрать.

Это тоже было вранье, потому что вышла она уже час назад, успела по мокрому полю дойти до автобуса, дождаться его и замерзнуть, доехать до метро и даже посидеть в кафе. Но все это сказать тоже было…ну, не то, чтобы нельзя, но не имея желания слушать шутки про собственное несуществующее богатство (только разбогатев можно есть капусту и пюре в кафе, разумеется-разумеется), говорить точно не стоило. Это же в нарушение невесть кем и зачем установленной дисциплины – она уже 20 минут тут сидит без всякого дела! Это все бы ему не понравилось, совершенно точно. Вася могла быть спокойной и чувствовала себя свободно, только тогда, когда он думал, что она занята «делом», и кажется, что почти единственным серьезным делом считались собеседования. Все остальное время требовалось мгновенно отвечать на звонки и сообщения, во сне и на ходу, в том числе.

Самое удивительное, что обладатель чудесного голоса и

назойливый, невероятно утомивший ее друг, были тезками, правда на разных языках. Она была уверена, что имя – это единственное, что их объединяло. Обладатель божественного тембра, далекий и неотразимый Алессандро не мог быть похож на отечественного, тотально забравшегося в ее жизнь, Александра. Нет-нет, категорически нет, они не могли быть похожи!

Врать, и правда, очень плохо, но как ей еще, скажите пожалуйста, вырвать хоть час у этой жизни, чтобы «без него», без доставшего ее, кажется, что до самого спинного мозга, так называемого, друга, без его самодовольного голоса в трубке, без его контроля, и вне зоны его доступа. Оставалось только врать про врача или собеседование, потому что даже когда она уже устраивалась на работу, звонить он не прекращал. По всякой ерунде, прямо во время испытательного срока. И это было ужасно, и один испытательный срок сменял другой, уже на новом месте.

Режим тотального ожидания звонка, которому она не рада, тоже был похож на дурацкую шапку. Знаете, как в глупом сне, все происходит так, как ты точно знаешь, что быть не должно, и не может быть, но все равно происходит, а ты сама, при всей очевидной бредовости происходящего, участвуешь в этом со всей серьезностью.

И самое, казалось бы, разумное и логичное – послать постылого и немилого туда, куда он давно заслужил – почему-то не приходило ей в голову…

Глава 4

06.2018

Теплым летним днем, в светлой комнате, под пушистым синим пледом, свернувшись каким-то жалким калачиком, рыдала Василиса. Горько, но тихо. Не пугать же детей! Они, едва заметив мамины слезы, тут же наливали ей чай и начинали уборку, словно извиняясь на тот случай, если вдруг она плачет из-за них. Васе сразу становилось стыдно. Поэтому сейчас она разнюнилась тихонько, хотя очень хотелось завыть в голос, да с бабьими причитаниями. В деревне такое называли – блажить, как с горя. Больше всего ревелось от обиды и от боли, и еще от какой-то мысли, которую она никак не могла четко себе сформулировать. К густой грусти примешивалось еще что-то новое, кажется, это было раздражение, которое уже не хотелось маскировать пресловутым «смирением», уже давно куда больше походившим на покорность. Да-да, на отбитую, тупую, дурацкую и непонятно зачем сдавшуюся Васе, отвратительную покорность.

«Милый» друг Александр жестоко осудил ее за то …что она заболела, он искренне полагал, что она этим перед ним провинилась и должна быть наказана. И демонстрировал не только презрение и снисхождение в редких разговорах, но и крайнее осуждение. «Ну и кому ты нужна такая больная, какая из тебя помощница, работу она еще хочет искать, никому

ты такая не нужна, мало ли что голову он тебе отбил. Раньше что ли ты лучше была? Ты нестабильная помощница, значит и работник нестабильный…Я бы тоже выгнал тебя подальше». Опомнился он лишь тогда, когда в заботливо расставленных коробочках закончились таблетки. Раскладывала их, абсолютно всегда, «нестабильная» Вася. Все вокруг него было вымыто, начищено и отглажено именно ей. Она умудрялась успевать это все параллельно с работой, детьми, постоянно преодолевая плохое самочувствие.

Вы когда-нибудь пробовали жить с отбитой головой? Если нет, то лучше и не пробуйте. Потому что с ней нельзя договориться так, чтобы она не болела – это очень трудно и удается такое крайне редко, еще реже случается спонтанное недолгое счастье, которое называется – несколько часов без головной боли – и совсем раритетно – день без нее и без таблеток, но это не чаще раза в год. Все же остальные дни омрачены изматывающим присутствием то тугой как обруч, то наливающей свинцом затылок, то тошнотворной и лишающей сил – головной боли. Противной, выпивающей силы без остатка, лишающей всех желаний и бодрости, отвратительной и навязчивой. И даже правильно подобранные и вовремя принятые таблетки – совершенно не гарантируют вам спасения от нее! И знаете что самое сложное в такую минуту бессилия? Сдаться на ее милость без уныния и не начать проклинать того, кто причинил вам эти муки, ну вы понимаете, того самого, кто отбил вам голову. Это крайне непро-

сто - спокойно перестраивать свои планы каждый раз, когда у вашей головной боли наметилась очередная вечеринка без правил. Все это, конечно, далеко не самое страшное, что может случиться с человеком и его здоровьем, и приспособиться можно, разумеется- разумеется. И самая большая ошибка – это пересиливать себя и делая вид, что боли нет, продолжать жить так, словно ничего и не происходит. Правда, тут есть и неочевидные плюсы, если у вас отбитая голова, то постепенно вам станет понятно, кому вы дороги, а кто на вас удобно едет. Потому что наши болезни раздражают не только нас, но и тех, кто нас использует! И искренне огорчают тех, кто нас любит.

Так вот тогда, когда таблетки у проповедника закончились, он вдруг позвонил и стал фальшиво-ласково спрашивать о васином самочувствии, его слова звучали так приторно, особенно после нескольких дней тотального игнора, что Васю слегка затошнило …а закончил он фразу без прикрас и маскировки, словно расписавшись в потребительской логике - «а то таблеточки мои уже кончились»! Вася почувствовала, что внутри нее открылась какая-то плотина, ну или она рухнула, или ее снесло.

Ее давно раздражала его отвратительная привычка говорить обо всем, что связано с «собой любимым» в уменьшительно-ласкательной форме. Эти все его животики, туалетики, картошечка и капусточка, с рыбкой и свининкой, а еще спинка, жопка и лысинка, носочки и штанишки – вот это вот

все, да про пятидесятилетнего стотридцатикиллограммового мужика! Вася в последнее время едва сдерживалась, чтобы его не одернуть. Останавливало только то, что одернуть – означало вызвать на свою голову дополнительный сход лавины из его душевного дерьма. И вот эта приторная нежность к себе и фальшивая участливость к ее, Васи, состоянию, запустили психическую реакцию, которую она сама называла «потоп». Ее состояние не позволяло ей даже встать нормально с кровати, она так и рвала болью голову на части, эта разрезанная челюсть, а тут еще он…такой тошнотворный и наглый.

Старшая дочь сочла момент рыданий очень подходящим, и аккуратно сообщила матери то, что давно хотелось, но было как-то неловко. И то, что сказал Василисе Господь устами ее взрослого «младенца», поразило ее, и словно по взмаху волшебной палочки – изменило абсолютно все!

Катька была полна сочувствия, но, тем не менее, пряма и целебно безжалостна.

–Мам, ты что вообще не видишь КАК он к тебе относится?

Огромные карие глазищи старшей васиной дочери – стали еще больше.

–Ты ему и помогаешь, и время на него тратишь, и таблетки складываешь, и к врачам сопровождаешь, как маленького, и подарки на день рождения и все праздники, вон какие даришь, а он подарил тебе дешманский зонтик! И все, мам!!

Ты заболела, он даже помощи не предложил, а как ты его спасала в больнице. Он нахамил, когда тебе вон всю челюсть разрезали. Может так и нельзя говорить про взрослых, но он что, совсем дурак что ли?!

В ушах что-то зазвенело, потом запищало. Проклятые сотрясы, всю жизнь так и будут аукаться разнокалиберными звонами. Еще и челюсть болела зверски (операция была кровавой и жесткой, а знание анатомии лицевого скелета добавило Василисе той ясности, которая была хуже вида всех боров и скальпелей, пиливших челюстную кость). Вася выпила таблетки всего пару часов назад, но злая и настойчивая боль прорывалась снова. Василиса, держась за щеку, вылезла из-под пледа, синего, пушистого и любимого (, но и за него она получила «выговор», так как купила его не посоветовавшись, так сказать «без благословения»), села и уставилась на дочь, как на древнего оракула.

–Катя-а-а-а, значит мне не кажется вот это все?? Значит это уже видно со стороны?

–Господи, мам, это давным-давно видно, вообще давно, ну совсем, и в смысле очень… Только ты, давай, как-то не расстраивайся, тебе поправиться надо вообще-то, ты у нас одна! И нам ты очень нужна, мы все волнуемся, между прочим, типа мы такие глупые и не поняли, что ли, что ты тут ревешь?!

«Никогда Штирлиц не был так близок к провалу» – подумала Вася. В тот ясный день беседа с Катькой получилась

долгой. «Фантазер» и «аналитик» застыли в полном недоумении. Картина жизни превосходила почти все, что мог бы придумать один из них, даже в ударе, и категорически не подлежала анализу другого, ибо логики в ней или не было с самого начала, или она куда-то вывихнулась за годы пути.

–Мамусь, ну вспомни концерт. Ты же смотреть нормально не могла!

–Концерты слушают, Катюш, – машинально поправила Василиса.

Дочь засмеялась.

–Ну да, большая разница, хорошо, мам, ты вообще нормально не слушала, хотя ждала этот концерт, и весь в итоге протряслась.

«Катя права» – думала Василиса. Она испытывала колоссальное облегчение, еще толком не понимая, что к чему. Она устала чувствовать себя вечно виноватой.

Она, и правда, ждала этот божественный тенор. Его приезд в Москву казался чем-то сказочным и невероятным. Она не могла его наслушаться. С ней что-то творилось странное под звучание этого голоса. Не то заряжалось, не то разворачивалось в душе, или быть может оживало?! «Господи, как же хорошо, что я все-таки пошла»!!!

Глава 5

11.2016

Очень давно, она ехала домой от своего подмосковного Александра, усталая, в совсем плохой одежде, с пакетом продуктов для детей, ехала в удрученном и безрадостном настроении. Он в тот день выпил… сильно… нажрался, одним словом, и стал ей вдруг рассказывать, что надо в ее лице «поправить». Куда брови подтянуть, а куда уколы подколоть (мысль была ясна – разгладить ее «старушечьи» морщины, и конечно, это неважно, что сам-то старше ее на 15 лет), название чудо-препарата пьяный его язык выговорить не мог, и ее врачебное нутро бунтовало против исковерканных «бутулистических токсинов», а душа и сердце – против всего этого беспредела и невероятного хамства! Но ни спорить, ни ответить – она тогда не рискнула.

Так вот, выслушав про морщины, собрав «другу» таблетки, помыв полы и аккуратно развесив на сушилке душистое белье, под наглейшее «вот хорошо мы все постирали, в следующий раз погладим, ты только пораньше спать ложись, а-то будешь опять завтра сонная», она, наконец, не выдержала: «Мы?! В смысле пораньше?! Уже 9 вечера, пока доеду будет половина двенадцатого!» На мгновение он растерялся: «Вот сразу и ложись! И что ты весь день со мной споришь. Ты с кем споришь-то? Ты что это, в самом деле, забыла кто

я?» На этот вопрос она (как ей тогда казалось, вполне благоразумно) ответила про себя. «Правильным» ответом на все его недовольства считалась фраза – «простите, виновата, исправлюсь». Она в тот раз ответила неправильно, хоть и не вслух, но честно: «Редкостная козлина, вот кто ты! Прям вот на самом-пресамом деле! Такая при том, что захочешь, а не забудешь!»

И потом она ехала сначала на автобусе, потом в метро, перебирая в голове все это дерьмище, пытаясь понять только одно, как умудрилась в это вот все попасть. Тем временем, в вагон вошла молодая парочка. Оба нарядные. Девушка с букетом, с изящной сумочкой и на каблуках. Пушистые кудри – по плечам, плащ небрежно перетянут поясом на тонюсенькой талии. Парень в костюме был воплощением галантности и предупредительности. Левой рукой он нежно обнимал девушку за муравьиную талию, а в правой держал программку. Они возвращались домой после концерта, из неведомого и далекого «Крокус сити холла». Из другой жизни. Василиса тогда очень остро почувствовала себя замухрышкой.

Вася никогда не была завистлива. Никогда раньше. А вот в том вагоне метро, рядом с этой красивой и яркой парочкой, ей вдруг захотелось и молодости, и талии, и ходить в «Крокус»! И еще…парень так смотрел на свою спутницу. Никогда! Понимаете, что никогда!? Никогда ни один мужчина на свете не был с Василисой так обходителен, никогда никто не смотрел на нее так! Говорят, правда, что на лекциях Сережка

П. засматривался, кажется, что на втором и третьем курсах. Он пришел из академа, но был женат, невысок, и не предпринимал ничего, только смотрел и смущенно бормотал при случае: «Жаль, что таких женщин, как ты, Васька, уже разобрали». Сережка не был героем ее романа, но сейчас, даже это мимолетное воспоминание было утешением.

Тогда уже за Васей по пятам ходил ее будущий монстрический супруг, успешно мимикрировавший под неземную мечту каждой девушки. Цветы, виноград, украшения, встречи с лекций, такси, долгие и терпеливые ожидания «любимой», страстные поцелуи. Только вот глаза его были полны лишь желанием, а вовсе не любовью, и этого Вася, в свои непорочные 19 лет, совсем не замечала. И Сережка, конечно, видел все эти такси и прочие атрибуты «крутого» ухажера. Но сейчас не об этом. Никто и никогда не смотрел на Васю так влюбленно, как этот парень на прекрасную девушку…

«Я совсем непохожа на такую нимфу. И вообще, хорошо, что Сережка сейчас меня не видит». Эта внезапная подача «аналитика» мгновенно сдула зыбкий шлейф юношеских воспоминаний. Вася еще глубже поджала под сиденье ноги в старых кроссовках. Осознание собственного тотального лузерства – нестерпимо жгло глаза.

Глава 6

1995-2007

–Знаешь, Вася, от кого-от кого, но от тебя, никак такое не могли ожидать, даже и в голову не приходило, что ты вдруг много детей родишь. Мы думали, что Можейкина или Бершакова могут столько нарожать. Да и то, не столько, но, чтобы ты? Нет, совсем не ожидали?

–Кто не ожидали?

–Мамы все в классе, и мы с мамой, да Татьяна Егоровна? (*людкина мама повернула голову к людкиной же бабушке*) И Яша мой не ожидал. Все!

Вася грустно улыбнулась. Она зашла к подруге по случаю болезни ее бабушки. И неожиданно поняла, что все происходящее выглядит, как прощание с детством. Васиной бабушки уже не было на свете, а их бабушки тоже немного дружили, вместе приглядывали за внучками, гуляли в парке, встречали девочек «с музыки», после новогоднего школьного огонька и мало ли еще откуда. Осознание того, что это уютное и дорогое время куда-то убегает, едва обернувшись и быстро одарив на прощанье белозубой улыбкой Татьяны Егоровны, давило где-то слева в груди и в горле.

Какое Васе было дело до того, что ожидали или не ожидали от нее родители ее школьной подруги Людки, и вообще все «классные» мамы, то есть мамы учеников 10 «А». Столь-

ко или не столько. Вдруг или не вдруг. Совершенно никакого дела! И потом, когда Вася родила еще парочку детей, то подумала, что пусть их всех этих болтушек, пусть судачат дальше.

Много позже, через 8 или 10 лет, а может и через все 12, Василиса случайно встретила на улице маму двойняшек Табуковых. Вася шла с детьми к родителям в гости. Уже отгремели грозы ее первой семейной жизни, догромыхивали грозы периода развода. Вася была уже совсем не девчонкой, совсем не наивной, совсем не юной, увы. Однако мама Табуковых вдруг завела ту же странную песню, про не ожидали, про столько и не столько, про Можейкину и Бершакову. Словно все эти годы «все мамы» так и обсуждали васино чадолюбие, как главное всепланетное чудо.

Впрочем, мама Табуковых всегда восторгалась Васей. Мало того, что Вася закончила прекрасный медицинский институт, так еще и нарожала кучу детишек. Стареющая Марианна Табукова, казалось, завидовала васиным родителям, к которым дружной гурьбой приходили в гости многочисленные внуки. У Марианны был только один Вадик. И тут Василиса оказалась проворнее ее дочери.

Знаете, у мам бывает такая странность, когда собственная дочь им кажется менее удачной, чем какая-то чужая. Так вот энергичная Марианна Табукова, мама двойняшек Вовы и Даши, кажется, с удовольствием бы обменяла свою Дашу на Васю. И все потому, что ее Дарья категорически не успе-

вала по математике и не слишком проявляла рвение к учебе вообще, в отличие от Васи, для которой не было большой разницы какие предметы учить и сдавать. Вася, играючи, вывезла на своих плечах нерадивую Дашу, вместе с физикой, математикой и биологией, по которым Вася быстро привыкла делать два варианта, один себе, другой – подруге, а литературу и русский – всегда успевала за Дашей проверять. Марианна горячо благодарила Васю и твердила, что «без Васи Даша бы не закончила школу», а еще так восхищалась тем, что Вася – потрясающе умная девочка, что первый опыт по «спасению ближнего своего» закрепился в мозгу Васи, как приятный и нетрудный.

Если вы думаете, что васина мама была довольна своей прилежной дочерью, то вы сильно ошибаетесь. Васиной маме многое хотелось бы в Васю добавить, и еще подправить кое-что. И вероятно, что где-то существовала девочка, на которую и Васю бы обменяли, не раздумывая. Эта прекрасная девочка, наверное, была не в меру кокетлива, очень общительна, не любила сидеть одна и думать непонятно о чем, не исписывала миллион страниц в дневнике, а всем делилась с мамой, часто ходила на свидания и легко знакомилась, любила болтать и танцевать, и прекрасно пела. Из всего того, что было желанно маме, Вася любила только танцевать, и танцевала сначала везде: дома, на празднике в школе, в пионерском лагере на конкурсе, но потом что-то поменялось, Вася уже и сама не помнила что, и все стали считать, что

она всегда стеснялась, потому что…да непонятно почему. Она очень долго чувствовала, что родилась какой-то не такой…И, кстати, танцевать она всегда хотела русские народные танцы, что всех смешило.

Впрочем, быть может, это только так казалось, что мамы могут поменяться девочками, может быть мамы просто хотели, чтобы их дочери были еще лучше. Да и васин папа на обмен точно бы не согласился. В этом не сомневалась даже сама Вася. Он тоже часто был недоволен своей дочерью, но любой другой дочерью он тоже был бы недоволен, совершенно точно, и сам это прекрасно понимал, а потому обмен не мог заинтересовать папу в принципе. Тем более, что он раньше любил читать Васе сказки, учил ее рисовать, а сейчас умел снимать все ее сомнения одним коротким аргументом. Еще он любил сидеть в одиночестве, размышлять, писать что-то и никогда не был общительным. Они очень любили друг друга и видели друг в друге свое отражение, пока не случился ее ужасный брак, который разметал всю их семью в клочья, словно в отместку за то, что все, абсолютно все, включая саму Васю, не доглядели, не поговорили по душам, не посмотрели внимательно в глаза друг другу, и допустили в свою жизнь совершенно неподходящего человека. А ведь даже после свадьбы, когда муж уходил на дежурство, она обязательно приезжала к родителям ночевать, словно заряжая батарейку в теплой и привычной родной обстановке. Они вместе пили чай, о чем-то говорили, ходили смотреть на

комету в подзорную трубу и всем было очень хорошо. Вася всегда любила вспоминать это время. Тогда ей казалось, что ее любят и ждут любой. И мама, и папа, и брат. И любимая синяя чашка.

Глава 7

03. 1996

Когда Вася через десять месяцев после свадьбы поняла, что чувствует себя странно, первое что она подумала, что ей все равно кто это будет. Мальчик, девочка, да какая разница! Только бы был здоровенький. Муж был сразу всем и во всем «не очень», но вопреки всякой логике Василиса хотела, чтобы тест показал ей две полоски. Тест и показал. Вася радовалась… одна. Тима тогда еще не было в ее жизни. Пожалуй, только ее отец, будущий дед, неожиданно заулыбался, когда ему сообщили о грядущем пополнении. Но когда он увидел зятя, не подарившего его дочери на восьмое марта вообще ничего, даже цветочка, будущий дед снова помрачнел. И дело было не в букете тюльпанов, разумеется, а в том, что для любящего нет нужды ждать праздник, чтобы сделать приятное, а для не любящего – и праздник не повод.

Будущая бабушка была и рада, и не рада грядущему внуку. По ее мнению, прямо сейчас – было слишком рано пусть потом лучше будут другие дети, но аборт, конечно, делать нельзя, но как же институт, а может быть, и муж, как будущий отец, начнет вести себя по-другому, чем … не шутит. Примерно так. Вася, на тот момент, и сама не слишком логично мыслившая, тем не менее, не смогла установить в словах мамы никакой смысловой или иной связи, ни с реально-

стью, ни между умозаключениями, ни с чем, кроме скачущих маминых эмоций. Было и грустно, и забавно, и страшно, и понятно, что две полоски – это уже не вопрос, это ответ! Тебя уже пригласили к участию в таинстве! Для Васи так было всегда. Ты не можешь принимать решение – жить человеку или нет, если тебе его уже дали, если ты чувствуешь, что ты уже не одна. Да и что тут думать, если чувствуешь счастье. Надо быть форменным дураком, чтобы отказаться от счастья, и неважно, что вокруг тебя не все так, как тебе бы хотелось. Тебе дали счастье! Надо брать и благодарить. Ну что же тут непонятного.

Глава 8

06.2018

Вася сидела на кровати, все в том же пушистом пледе, нежного, совсем небесного цвета. Мысли носились в голове, действительно, как угорелые. Внезапное озарение…казалось бы, оно просто обязано было быть горьким, но почему-то ей было приятно и легко. Оглушительное «мне НЕ кажется» решительно доминировало не только в концепциях «аналитика», но и в настроениях «фантазера». Их удивительное единодушие и ликующая радость Васе нравились, на простом языке это следовало бы назвать «быть в ладу с собой».

Значит, все то, что казалось Васе кривым и ненормальным, таким и было, а вовсе не наоборот, как внушал ей Александр. По его версии, именно Вася была ненормальной и имела куриную голову, которой не могла постичь свалившегося на нее счастья «быть рядом с ним». Василиса сидела и пыталась понять, как так вышло, как она снова пропустила такой серьезный гол в свои ворота и про…рала кучу времени на очередную неблагодарную свинью. «Господи, как хорошо, что ты послал мне умных детей, а то так и ходить бы мне в забитых дурах, еще лет сто или двести». Вася перекрестилась и поцеловала крестик. «Минуточку, а что, если…»

Следующая догадка произвела тот эффект, который был под силу, вероятно, лишь летучей мыши, если бы та самым шальным образом залетела в окно. «Мы же с Тимом раньше, наверное, сто раз, когда говорили про здоровье, спорили как оно связано с несвободой и любым насилием. И ведь оно связано…Не помню кто из нас прав. Помню, что про важность внутреннего состояния говорил точно он. Забитая и покорная дурацкой воле обнаглевшего мужика, какого здоровья я прошу у Бога!? Это Бог что ли хочет, чтобы я была унижена всю сознательную жизнь? Не верю! Тим прав, тут точно прав он, Бог добрый! Не может он хотеть, чтобы всю свою жизнь я была не собой…Между прочим… Я раньше была совсем не так плоха, кстати…Кажется, что пообразованнее и веселее некоторых. А сколько сил у меня было, не то, что ныне. Не зря же тренер по самбо называл меня «атомным реактором, который надо превратить в мирный атом», кажется так. Да, пожалуй, что совершенно однозначно, я хочу быть собой, той самой, а не вот этой рыдающей кучей развалин.

Жаль только, что я не могу позвонить Тиму, как раньше. И поделиться этим «невероятным» открытием. Ох, что бы он сказал…Впрочем, он точно был бы мягче меня самой, потому что лично я сейчас считаю, что таких дур, ну просто свет не видывал! Никогда! И, прости меня, Господи, этот проповедник претендует на право вещать от твоего имени, но тем хуже не мне, а ему, потому что как там у Гоголя – нет ничего страшнее того зла, которое прикидывается добром? Что-то

в этом роде… Спасибо, Катя. Спасибо и тебе, далекий Сафина, ничего ты обо мне не знаешь, в своем далеком звездном мире, но как же ты мне помог. Твой концерт точно стоил того, чтобы наврать этому гаду. Именно твой голос сдул толстенный слой пыли с того закутка в моей душе, где до сих пор жила я, та самая, настоящая, точнее, я там спала…больным и страшным сном».

Глава 9

Первый концерт Алессандро 03. 2018

И вот этот день настал, 7 марта, Великим Постом, они с Катей шли на концерт в тот самый «Крокус». Он казался таким далеким, из дома вышли за 3 часа.

Василиса не выспалась, совсем. Вечером накануне концерта, когда она пришла домой, младшая дочь, испуганно вылезла из-под одеяла, и дрожа нижней губой, сообщила, что ее укусил соседский кот. И заревела. На оставшиеся деньги, на такси они поехали в травмпункт, потому что Сафина-Сафиной, а страшный призрак бешенства не просто ожил в ее голове, он запустил лавинообразную активность «фантазера» и «аналитика», которые тут же выдали двести пятьдесят версий плохого развития событий, и еще пятьдесят – очень плохого. В итоге, даже вариант поехать в травмпункт на метро, был решительно отвергнут из-за рисков. В переводе с докторского на человеческий это означало, что увеличивать интервал между укусом и первой прививкой, однозначно, не стоит. Домой вернулись ближе к 4 часам утра.

Спала Вася, разумеется, очень мало. Александр всегда ждал ее звонка в 9 утра. Она никогда из-за этого не высыпалась, тем более после такой ночи. А если не набрать, то он бы не понял. Отсутствие дисциплины и все такое.

Потом Вася разобралась с котом, точнее с соседями. Дело

чуть не закончилось дракой!

Все это было ужасно само по себе, а в связи с концертом, казалось Василисе карой за вранье. ДА! Она сказала ЕМУ, что пойдет на английский, чтобы он не звонил. Правда он осуждал и эти уроки, и все равно звонил, делая вид, что не помнит, где она. Но это было, хоть какое-то прикрытие.

Внутренняя дрожь не покидала ее. Она надела старый «парадный» свитер, намотала на шею неудачный, дешевый, но новый шарф, уложила слишком короткие, пережженые в подмосковном салоне, волосы. Вышло весьма унылое зрелище. Ни одной реснички она не накрасила. Потому что с таким лицом, как у нее, лучше не пытаться. Так Александр говорил постоянно! «А-то получится, знаешь, как старые алкашки намалюют себе на лице, лучше бы ничего не делали, а -то еще страшнее становятся». Голос самодовольного «друга» навязчиво звенел в ушах. Но! Во-первых, алкашом был он сам, а она вообще не пила. Во-вторых, он никогда не был настолько неотразим и хорош собой, чтобы говорить ей такое. В-третьих, разве вообще это нормально, говорить такое женщине, да даже если эта женщина и впрямь стара или замечена в злоупотреблении? «Аналитик» в голове Васи, как и всегда, был беспощаден и прям. Ей было невыносимо обидно, но казалось, что Александр прав, ну, в целом, да, она выглядела не очень, да и краситься совсем разучилась. Кажется очень давно, когда они только познакомились, он беспрестанно говорил ей, что краситься ей не надо совсем по дру-

гой причине, потому что она и так очень красивая… И смотрел на нее с восторгом, и когда они сидели на лавочке и говорили про Бога, поймал вокруг нее всех мошек и комаров, тревожно и выразительно смотрел на нее, быстрее всех спешил поздравить ее с днем рождения… «Что же я постоянно делаю не так? Куда это все подевалось?» грустно думала Василиса по дороге в вожделенный «Крокус».

А ведь совсем-совсем давно, в светлой и нежной юности, она никогда не выходила из дома без макияжа, и никогда не делала макияж, не сделав чайную примочку на глаза. И лак на ногтях у нее был розовый-розовый, его привез папа из Германии. Ей завидовали все девчонки, потому что у всех лак был только красный. А макияж она любила яркий, с синей полосочкой в складке верхнего века, от которой ее глаза казались еще ярче и искристей.

Папа, кажется лет 200 назад, Вася еще в школе училась подарил маме книгу «Всегда красивая». Мама обиделась на папу, а потом и папа на маму. В то время достать такую книгу… в общем, папа постарался. Папа любил маму и книги. Мама тоже любила папу … и книги, но подарок не оценила, ей показалось, что в нем спрятан «ужасный намек». Так книга и досталась Васе. Неутомимо и азартно читала она все подряд: как бороться с морщинами и исправлять осанку, как плавно ходить, не виляя непристойно попой, и как сделать маски для волос, ног и лица. Папа был счастлив, книга нашла вдохновенную хозяйку. В шутку, разумеется, но очень

торжественно и громогласно, он театрально изрекал, что наконец в доме появилась настоящая женщина.

Вот по этой книге Вася и научилась азам макияжа, а затем отшлифовала этот навык в театральной студии, где так весело и беззаботно пролетали осенние вечера, за гримом, этюдами, сценками и разговорами. Когда-то, вспомнилось ей вдруг, да, когда-то, она хотела быть актрисой. Хотела не только аплодисментов, поклонников и цветов. Ей всегда хотелось, чтобы всегда и все вокруг нее было настоящим. Хотелось душу распахнуть и впустить в нее настоящее дело, чтобы оно оттуда попадало прямиком в сердца и души человеческие. Как было в страстно любимом ею Театре на Таганке, где все было острее и звонче, чем в жизни, где открывалась другая реальность, которую, она теперь, хоть и отлично помнила, но, кажется, навсегда утратила. В далекой юности ей хотелось так отдаться этой профессии, чтобы в зале, уже другая девчонка, вцеплялась в подлокотники тонкими пальцами, и также верила, что на сцене все всерьез, верила каждому слову, и улетала мыслями и мечтами далеко-далеко от всего серого и скучного. И чтобы эта другая девчонка долгие дни после спектакля, даже недели и месяцы, не могла вернуться в быт и реальность, чтобы так был сладок плен театральных впечатлений и дум, как было у самой Васи. И ведь …Было!

Настоящая женщина. Вася задумалась. Когда-то она была женщина?! А ведь раньше, она постоянно мечтала, и мечты

не переводились у нее до самой свадьбы. А сейчас ей до всего этого, как …до Луны пешком. И даже еще дальше.

Глава 10

09.2004

– Васечка, я надеюсь, что ты не сняла штаны и не сделала того, что он хочет?!

Ей было стыдно поднять глаза. Она думала про свой язык. Вечно он...брякнет лишнее. И зачем она только упомянула это мерзкое полотенце. Кого-кого, а Тимку обмануть невозможно, он не зря шутит, что стал ее вторым «я». Впрочем, сегодня он сработал, как первое.

Тимофей сощурился в темноте. Взгляд ее убегал от него, она делала вид, что в порядке, даже пыталась шутить. (Прижимала к себе одну дочь, а свободной рукой держала за руку другую, тоже маленькую, Катьку.) Он знал, что Вася сейчас не врет. Чувствовал ее панику, хотел бы завыть от внезапно охватившего его отчаяния, но тоже не мог, как и Василиса не могла громко сказать о том, что с ней было. Ни понять, ни произнести, ни зарыдать. Ничего она сейчас – не могла. Жалкая, избитая, и…изнасилованная, его обожаемая Васечка. А что ему теперь делать? Рядом его жена, а Васин мучитель – ее муж. Что ему, Тимофею, со всем этим делать!?

Муж и жена спят вместе, это ясно. Не замужем он ее и не видел! Он понимал, все понимал, что у мужа все права на нее! Но ни у какого мужа нет права на такое!!!

Кроме того, Тимофей знал, что она не любит отца своих

детей, а если не знал, то чувствовал или догадывался. Он чувствовал ее, странным образом, даже для самого себя - странным. Он вообще узнал ее сразу! Да и ей показалось, что они были раньше знакомы, или где-то виделись. Так и сказала. Сама! Даже спросила не был ли он, каким-то давно минувшим летом бородатого 1994 года, в пансионате на Тишковском водохранилище. Нет, не был, он вообще не слишком любил пансионаты. Сам же он полагал, что они виделись в другой, прошлой жизни.

Тим очень часто говорил с ней часами по телефону, бесконечно выслушивал все, что ей было угодно рассказывать, от снов до эзотерических размышлений, и честно сказать, ему всегда было мало. Их вселенные пересекались и очень подходили друг другу, он не сомневался в этом. А она, словно и не догадывалась ни о чем! Даже о том, что у нее самой есть внутри вселенная, ни о том, что он, конечно, лучший ее друг, но такой, который иногда очень бы хотел быть…Вообще ни о чем она не догадывалась! А теперь еще это вот все…

Она пошатывалась, и медленно пыталась достать что-то из кармана куртки, на заострившемся лице потерялись и погасли глаза, она стала похожа на сломанного робота, которого он уронил в детстве с буфета, а мать орала потом так, что чашки звенели. Робот тоже тогда мог жужжать и покачиваться, нормально не мог идти и не мог поднимать руки, и лампочки-глаза у него погасли. И починить его никто так и не смог. Маленький Тим тогда тихо плакал в подушку. И вот

сейчас, Тим взрослый, вдруг подумав о том, как теперь «чинить» Васю, с сомнением примерился – дотянет ли до поду

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.